

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

**«Маскарад», «Рауль Синяя
Борода, или Таинственный
кабинет», «Швейцарская
молочница», «Домашний
маскарад»**

«Этот бенефис придуман замысловато: он начался и кончился – маскарадом! И ход был правилен: начали языком – кончили ногами!.. Несмотря на то, зрителей было немного; впрочем, несравненно больше, чем в бенефисы гг. Баранова и Ленского...»

**Сергей Тимофеевич Аксаков
«Маскарад», «Рауль Синяя
Борода, или Таинственный
кабинет», «Швейцарская
молочница», «Домашний
маскарад»**

«Маскарад»

Водевиль в одном действии, перевод с французского

«Рауль Синяя Борода, или Таинственный кабинет»

Пантомимный балет в четырех действиях, соч. Валберха

«Швейцарская молочница»

Водевиль в одном действии, перевод с французского

«Домашний маскарад»

Разнохарактерный дивертисман. Бенефис танцовщице г-же М. Ивановой. Пятница, 27 мая, Большой театр

Этот бенефис придуман замысловато: он начался и кончился – маскарадом! И ход был правилен: начали языком – кончили ногами!.. Несмотря на то, зрителей было немного; впрочем, несравненно больше, чем в бенефисы гг. Баранова и Ленского.

Комедия «Маскарад» ничтожна и была разыграна, как обыкновенно разыгрываются одноактные французские комедийки, поставляемые в начале спектаклей для съезда пуб-

лики. «Рауль Синяя Борода», несмотря на давность, избитость, так сказать, своего содержания, все-таки его имеет, а потому сноснее других. Лет сорок уже начали печатать на Руси, под именем детских волшебных повестей, на французском и русском языках одну книжку, для детей даже неприличную, где между «Красной Шапочкой», «Семимильными сапогами» и «Тремя сестрами» находится и «Рауль Синяя Борода»: итак, кому он не известен? С удовольствием отдаем справедливость танцам Московского театра; но танцы не пантомима, а пантомима, не доведенная до высокой степени совершенства – более чем скучна: Гюллень и Ришард, как танцовщики, отличные артисты, а как мимики – весьма обыкновенны. Г-н Флери, явившийся Раулем, принадлежит к этому же разряду (хотя должно сказать, что в нем очень мало проявлялась прежняя складная кукла). Итак, какое действие мог произвести весь балет?.. Скуку! Последнее сражение было исполнено живо; г. Флери вызвали: учтивость московской публики!

Водевиль «Швейцарская молочница» –

чувствительного содержания; жаль, что развязка мало развита, а потому и безотчетна, веселости же в пьесе мало: ибо шутки г. Живокини, игравшего пастуха Цуга, впрочем, довольно умеренные, шутки над слепым стариком Яковом – совсем не забавны. Последнего играл г. Лавров недурно; но он не водевильный актер: прекрасный и сильный голос его глушит куплеты, и слова бывают не слышны. Девушка Федорова, игравшая главное лицо Графини, дочери слепого Якова, некогда бежавшей с любовником, уже скончавшимся, а теперь, под чужим именем Эммелины, живущей у своего отца, который не хочет простить раскаявшейся дочери, не могла выполнить хорошо своей роли: и потому, что она требует большого искусства, и потому, что девушка Федорова вовсе не умеет да, кажется, и не может петь: при ней голос г-жи Н. Репиной казался слишком сильным! Заметим девушке Федоровой, что она напрасно старалась представлять какую-то вертлявую крестьяночку, напрасно каждую минуту оборачивалась к зрителям: роль ее совсем этого не требовала (оборачиванье же к зрителям – порок, к сожалению

нию, многих и нигде не годится). Впрочем, у девицы Федоровой есть чувствительность, по крайней мере в голосе, и она могла бы с успехом выполнить свою ролю. Г-н П. Степанов в ничтожной роли бургомистра Бетемберса был так хорош, что нельзя не отдать ему полной справедливости. Бургомистр явился прекрасною карикатурой без всякого фарса. Так мастерски обработать и выдержать созданную им самим физиономию лица ничтожного может только артист, любящий и уважающий свое искусство: ибо он знал, что публика не обратит внимания на его художественное старанье. Но, судя по оному, мы осмеливаемся предсказывать, что г. П. Степанов со временем сделается украшением московской сцены и любимцем публики; г-жа Н. Репина играла работницу Катерину очень мило; роль мала и не важна; но именно в этом роде ролей г-жа Н. Репина бывает всегда прелестна. В последнем куплете (некоторые из них были недурны) она умела придать столько души слову: *от души*, что зрители от души похлопали ей. Мы забыли сказать, что бенефициантка, г-жа М. Иванова, танцевала свои па с боль-

шою приятностию, чем она и всегда отличалась.